

Александр КАНЕВСКИЙ

ПРОКЛЯТИЕ ПО
КОНТРАКТУ

Александр Семёнович Каневский
Проклятия по контракту
Серия «Следователь
Борис Пахомов», книга 2

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6371043

Аннотация

Год назад я впервые написал детективную повесть «Кровавая Мэри», с юмором, грустью и чуть-чуть с фантастикой. Её герои понравились, и читатели попросили меня продлить их жизнь, что я и сделал в повести «Проклятия по контракту». Это тоже детектив, тоже с юмором и грустью, и чуть-чуть с эксцентрикой. Хочу надеяться, что и эта повесть тоже будет тепло встречена читателями.

Александр Каневский

Проклятия по контракту

© Александр Каневский, 2012.

© Все права сохраняются за автором.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Полковник Лукоперец был мрачен. Конечно, получать благодарность и хвалебные слова от начальства приятно. И он был уверен, что после такой удачной операции, как «Кровавая Мэри», его, наконец-то, переведут на обещанное тихое место. Но генерал решил наоборот: не лишать отдел такого успешного руководителя – и оставил его ещё на неопределённое время. Поэтому, вызвав майора Пахомова, Лукоперец предусмотрительно спрятал в ящик стола фотографию любимых внучек-двойняшек, чтоб они его не размягчали перед предстоящим жёстким разговором.

– Доложите, что уже известно.

– Увы, пока немного. Пострадавший-предприниматель

Виталий Бурляев. Возвратился домой, часов в восемь вечера. Дом за городом, у озера, в посёлке Сосняки, с гектар леса, огороженного забором. В доме никого не было, жена с сыном ночевали в городе у родителей Бурляева. Очевидно, преступники об этом знали, потому что спокойно проникли в дом и ждали его там. Встретили двумя выстрелами в голову и сразу укатили. По словам жены, которую доставили туда утром, ничего ценного не взяли.

– Машину определили?

– Ворованная «Лада». Они её бросили перед выездом на автостраду. Очевидно, пересели в свою машину, которая их там поджидала.

– Какие-нибудь следы оставили?

– Отпечатки пальцев не обнаружены. Но есть одна зацепка: стреляли из охотничьей двустволки.

– Ну? Что-то новое для современных киллеров.

– В том-то и дело. Значит, или не было другого оружия, или хотели просто напугать...

– Напугать? Двумя выстрелами в голову! По-моему, майор, вы, как всегда, начинаете с фантастики.

– А вы, товарищ полковник, как всегда, абсолютно правы!

– Вот только не надо этих ваших подковёрных цирлих-манирлих!.. Продолжайте докладывать.

– Слушаюсь и продолжаю. Как вы правильно заметили, для напугать – слишком сильно, для убить – слишком слабо: стреляли пыжами, скатанными из войлока, пропитанно-

го парафином....

– Самодельными пыжами?! Кто сегодня ими пользуется?

– Думаю, что уже немногие. В основном, пулями или дробью.

– Почему же не...

– И пулями, и дробью можно было убить, а, значит, это не входило в их задачу.

– Не убить, не напугать?.. Чего же они добивались?

– Вот я сейчас над этим и размышляю. Очень надеюсь, что пострадавший придёт в себя и что-то подскажет.

– Как он?

– Плох: сильное сотрясение мозга, обширное кровоизлияние... Но врачи надеются его вытащить. А пока наши эксперты колдуют над обрывками войлока, из которых были скручены пыжи. Первое предположение, что их нарезали из валенка.

– Пыжи из валенка, брошены на месте преступления, не подобраны... Какие-то допотопные преступники.

– А, может, наоборот: очень хитрые и всё это сделано специально...

– Специально оставлять такие следы? – Лукоперец хмыкнул. – Глупости!

– Мне больше нравилась ваша формулировка «цирлих-манирлих».

– Прекратите паясничать! Если у вас есть какие-то соображения, говорите.

– К сожалению, пока нет. Пытаюсь что-нибудь нащупать. Мне готовят список всех охотников в ближайшем округе, обладателей двустволок.

– А где старший лейтенант Валежко?

– Я поехал к вам на доклад, а её направил побеседовать с женой пострадавшего.

Полковник одобрительно кивнул.

– Что ж, действуйте. Желаю удачи. – И завершил беседу двумя своими «фирменными» афоризмами. – Там, где вы правы, вы не виноваты. И помните: тому везёт, кто везёт!

Пряча улыбку и верноподданно глядя на полковника Лукопереца, которого он за глаза называл Рыбоясо, Борис пообещал:

– Раз я не виноват, я повезу!

– Ну, почему, почему?! За что?! – выкрикивала сквозь всхлипывания Маруся, жена Бурляева. – Он же никому ничего плохого не сделал. Наоборот! Помогал, устраивал на работу, давал деньги в долг, которые ему никогда не возвращали...

Тина протянула ей стакан воды.

– Я вас очень понимаю. Но пожалуйста, постарайтесь успокоиться. Мне необходимо задать вам несколько вопросов.

– Хорошо. – Маруся сделала пару глотков и отодвинула стакан. Зажала голову в ладонях, посидела так несколько се-

кунд. – Всё. Я готова. Спрашивайте.

– Вы давно замужем?

– Да нет, всего три года. Но встречаемся давно, уже лет десять. Он хотел раньше расписаться, но я тянула, не хотела на него хомут вешать: какая из меня жена – месяцев десять в году вне дома.

– Это почему?

– Моталась по всей нашей необъятной родине и по другим странам. – Увидев вопросительный взгляд Тины, разъяснила. – Всю жизнь на гастролях. Я в цирке служила, у меня был аттракцион, медведи на коньках. Может, смотрели или слышали? Назывался «В хоккей играют настоящие медведи».

– Конечно, смотрела! И не один раз. Племянницу водила – она в ваших медведях души не чаяла!.. Но... – Тина запнулась. – Дрессировщицу ведь звали Мари Муре.

– Верно. Я – Маруся, фамилия – Мурашкина, вот отсюда Мари Муре. Деда звали Шурик – он стал Шарлем Муре, мама – Лили Муре... Муре – это моя потомственная кликуха, для афиши. Я ведь родилась и росла в цирке, игралась за кулисами, пила молоко вместе с медвежатами, строила домики из опилок. Кроме манежа, клеток и медвежьих какашек ничего не знала: с медведями росла, а увидела корову и испугалась. Я жила чужой, навязанной мне жизнью: дед передал медведей маме, а мама – мне. Меня не спрашивали – это

была нормальная цирковая преемственность. Вот я и тянула этот воз пока мама жила.

А когда мама умерла, передала аттракцион своему помощнику, он молодой, амбициозный, медведей любит... А для меня началось новое счастливое время! С Виталиком расписались и стали жить вместе. Вот тогда он и развернулся: открыл свою фирму... Этот участок купил, дом построил – мы городскую сутолоку не любим, сюда переехали... Оба уже не молодые, но сыночка родили, хотели здесь растить, на природе. У нас ещё столько планов было...

Она снова разрыдалась. Тина села с ней рядом, обняла за плечи.

– Конечно, это ужасно. Но врачи не теряют надежды. И вы должны быть сильной, ради него, и ради сына.

– Да, да, простите, я сейчас... – Снова зажала голову ладонями. Пояснила. – Я так всегда собиралась с духом перед выходом на арену... Всё. Я готова. Спрашивайте, что вас интересует.

Перед открытием любого бизнеса требуется начальный капитал – откуда он взял деньги? Ведь не из богатой семьи, работал обычным страховым агентом?...

– Нет уж, простите: Виталий никогда ни в чём не был обычным!.. У него такая мудрая голова!.. Он всегда перевыполнял план. Знаете как? Всем своим родственникам, друзьям, соседям на дни рождений, свадьбы, юбилеи да-

рил страховой полис на три месяца, который сам оплачивал. Это себя окупало: человек привыкал быть застрахованным и дальше уже непременно продлевал страховку. Количество клиентов росло, их у него было втрое больше, чем у остальных. А страховые агенты ведь работают на процентах, так что он очень неплохо зарабатывал. Накопил приличную сумму, сыграл на бирже, выиграл, снова сыграл, снова выиграл... Он умел рассчитать, предвидеть, мог стать прекрасным биржевым маклером, но он хотел создавать что-то своё – вот и вложил все деньги в дом отдыха «Приозёрный», здесь, недалеко, километрах в четырёх от нас...

И она рассказала, что сначала он купил участок земли вдоль небольшого озера. Предварительно привёз туда специалистов, которые выяснили, что озеро родниковое, чистое, а из родников бьёт какая-то целебная вода. Тогда он дал мощную рекламу об открытии нового курорта, привёл в порядок берег, завёз песок, благоустроил пляж, натянул тенты, поставил киоск, где продавались соки, кофе, бутерброды. Люди могли проводить там весь день, загорать, купаться. А для посетителей в возрасте – на метровой глубине, вдоль берега, был натянут канат, держась за который, они под руководством инструктора, шагали двести метров туда и обратно... И пошла слава: то ли, и вправду, в озере были какие-то суперполезные примеси, то ли просто вышагивание вдоль каната в прохладной воде оздоравливало, но людей всё прибывало и прибывало, особенно, в выходные дни и в праздники.

Тогда Виталий поставил дачные домики, в которых желающие могли остаться на одни или несколько суток... Новый курорт стал приносить приличную прибыль, но Бурляев на этом не остановился.

В конце участка была впадина, в которой после любого дождя скапливалась непролазная грязь, и мудрый хозяин решил использовать её как грязелечебницу. Опять же, посоветовавшись со специалистами, он стал добавлять туда какие-то соли, которые делали эту грязь лечебной. Если не было дождей, грязь разбавляли водой из озера. Появилась медсестра, которая наблюдала за «лечащимися», выросли душевые кабинки, где можно было смывать грязь. Расчистили место под автостоянку, выросло летнее кафе с горячей пищей.

Бурляев докупил ещё немного земли, на которой собирался построить гостиницу, уже был готов проект, получено разрешение, вырыли котлован под фундамент, но...

Два выстрела в голову прервали деятельность этого человека, бурлящая энергия которого оправдывала его фамилию.

– Спасибо вам, за то, что смогли справиться с силами и всё это мне рассказать. У нас ещё, конечно, возникнут вопросы, и мы вам позвоним.

– Вы найдёте этих негодяев?

– Мы сделаем всё возможное, обещаю.

– Тогда звоните даже среди ночи, если понадобится.

– Я могу вас довести до больницы.

– Спасибо, я сама. Кое-что для него соберу и поеду.

Она проводила гостью до выхода.

Уже в дверях, Тина, смущаясь, проговорила:

– Простите, это не по делу, но я не могу не задать вам один вопрос: как вы заставляли медведя взбираться на десятиметровый шест?

Впервые за всё время их беседы Маруся слегка улыбнулась:

– Прикрепляла наверху открытую банку сгущёнки – вот он туда и стремился.

– Сгущёнку? – удивилась Тина. – Но я с детства знаю, что медведи любят мёд?

– Любят мёд, когда нет сгущёнки. А за сгущёнку они родину продадут.

Когда Тина подходила к кабинету Пахомова, дверь распахнулась и оттуда выскочил возбуждённый верзила.

– Майоры – крохоборы, прокуратура – халтура! – прокричал он во внутрь кабинета.

В дверном проёме появился Борис и ласково спросил:

– Почему бы вам не напечатать эти стихи?.. Газета «Послезавтра» с благодарностью опубликует их в разделе «Проблемы сионистов».

– Ничего, справедливость восторжествует! – верзила рванул по коридору и толкнулся в следующую дверь.

– Что за странный тип? – спросила Тина, войдя в кабинет.

– За какую-то драку ему грозит полгода. Требуется, чтоб его

освободили от отсидки. Принёс справку, что страдает недержанием мочи, о чём свидетельствует сосед снизу.

– Почему он пришёл именно в наш отдел? Как его пропустили?

– Сказал, что дело государственной важности. И он прав. Если ему не помочь, он описает всю тюрьму!.. Какое впечатление о жене Бурляева?

– Самое хорошее. Она показалась мне правдивой и искренней, да и соседи отзывались о них как об очень любящей друг друга паре. Она так хвалит его, так им гордится!

– Ответь мне на вопрос, который очень важен для нашего дальнейшего расследования: если меня когда-нибудь тоже стукнут по головочке, ты будешь мной гордиться?

Она рассмеялась. Покачала головой.

– Майор, ты – дурак?

– Дурак. Но влюблённый. А от любви дуреют даже полковники.

Он подошёл к ней, обнял её и поцеловал.

– Перестань! Кто-нибудь войдёт.

– Ну, и что? Мы проводим следственный эксперимент... – Снова поцеловал, затем сел напротив. – А теперь выкладывай всё, поподробней.

Выслушав её рассказ о беседе с Марусей, немного подумал и произнёс:

– Я согласен с твоими выводами, у меня такое же впечатление. Я тут навёл справки: она не была заинтересована в его

смерти: всё их имущество, дом и весь курорт он переписал на неё, сразу после свадьбы... Вот это любовь!.. Надо и мне на тебя что-нибудь переписать, самое ценное: мои меховые тапочки, голубой унитаз и кота Гошу...

– Ты можешь быть серьёзным?

– Когда ты рядом – не могу, мне очень радостно.

– Так что, мне уйти?

– Посмей только! Я подам на тебя в суд за сексуальные домогательства, сейчас это модно!

– Что ты несёшь!

Он снова подскочил к ней и поцеловал.

– Вот! Ты меня притягиваешь к себе, значит, домогаешься!.. – В дверь постучали. Борис поспешно вернулся на своё место. – Заходите!

Вошёл эксперт Лапшин.

– Ну?.. – нетерпеливо спросил Борис. – Что выяснили?

Лапшин открыл принесенную папку, стал вынимать фотографии и выкладывать их на стол.

– Двустволка, гладкоствольная, калибр 32, диаметр ствола 12,5 миллиметров, примерно, вот такая... Бьет на тридцать-сорок метров. Заряжается шомполом.

Эти ружья уже давно сняты с производства.

– Это хорошо: сузится круг поисков... Как их заряжают?

– По-старинке: в стволсыпают заряд пороха, потом заталкивают разделительный пыж, затем заряд дроби и снова пыж. На сей раз вместо дроби и двух «пыжиков» загнали

по убойному пыжу, в оба дула. Кстати, предположение подтвердилось: пыжи из валенка, чёрного цвета, такие называют «самокатка». С ними охотятся на уток, на зайцев – такой пыж часто даже не пробивает шкуру, но оглушает, и жертва целехонькая попадает в ягдаш охотника.

– Значит, стрелявшие знали, что голову не пробьют, а врежут по черепу, как двумя дубинами?

– Если они пользовались таким ружьём и такими пыжами, конечно, знали.

– Ясно. – Борис вынул из ящика стола список на нескольких страницах. – Это из «Общества охотников». Обладатели ружей в радиусе сорока километров. Для первого захода. Потом расширим круг поисков. – Стал просматривать страницы и откладывать их в сторону.

– Нарезные ружья... винчестеры... трёхствольные... Вот! «Гладкоствольные, калибр тридцать два»... Таких сорок восемь... А вот «шомпольные», всего четыре штуки. Это облегчает задачу. – Повернулся к Тине. – Старший лейтенант Валежко! Тина вскочила со стула.

– Слушаю, товарищ майор!

Он протянул ей страницу с четырьмя фамилиями.

– Этих охотников просветить, как на рентгене: кто есть кто, где служит, на ком женат, чем занимается в свободное время... И, пожалуйста, побыстрее – нам ещё предстоит много следственных экспериментов.

Вам понятно?

– Конечно, товарищ майор!

Она быстро развернулась, чтобы Лапшин не увидел появившуюся на её лице улыбку. Выйдя из кабинета, согнала со своего лица весёлую предательницу и решительно направилась выполнять задание.

А счастливая улыбка, слетевшая с её губ, ещё долго порхало яркой бабочкой по угрюмому коридору Управления.

Пока Тина «просвечивала» четверых охотников, Пахомов решил познакомиться с сотрудниками Бурляева. Его фирма называлась «Здоровье» и размещалась в Кузьминках, в трёхкомнатной квартире Бурляева, которую он переоборудовал и передал под контору. Фирма не имела ни своей строительной техники, ни рабочих – всех нанимала, поэтому штат был очень немногочисленным: кроме главы фирмы – экспедитор, бухгалтер и секретарша.

После того, как Борис предъявил удостоверение, ему предоставили кабинет Бурляева, и он по очереди приглашал туда сотрудников.

Первой вошла бухгалтер.

– Полина Фёдоровна, – представилась она и заплакала.

– Что с вами? – испуганно спросил Борис.

– Виталия Сергеевича жалко.

– Пожалуйста, успокойтесь! Мне надо задать вам всего несколько вопросов.

– Простите, я сейчас... – Она достала платочек и промок-

нула им глаза. – Я готова.

Она была ещё совсем не старая, но рыхлая, отёкшая, с обвислыми щеками. Глядя на неё, Борис вспомнил шутку: «Мне в моей жене нравятся три вещи. – Какие? – Её подбородок». Подавив улыбку, спросил:

– Давно работаете с Бурляевым?

– Со дня основания фирмы.

– Ну, и что вы можете сказать о своём шефе?

Она встрепенулась.

– Замечательный человек!.. Таких, как он, поискать надо!.. И добрый, и умница!.. Позавчера докладываю: «Пескобетон, сухая смесь, за каждые пятьдесят кг сто пятнадцать рублей просят. Нам, по проекту, тридцать три тонны триста килограмм требуется. Будем брать?.. – Конечно, отвечает. Семьдесят шесть тысяч пятьсот рублей – нормальная цена!» Это он сразу в уме посчитал, представляете? Такая светлая голова, как арифмометр... – Она опять заплакала. – Так его жалко, так жалко... – Тем же платочком стала утирать слёзы.

Борис налил стакан минеральной воды из бутылки, стоящей на столе, пододвинул его к ней и спросил:

– Как вы думаете, почему в него стреляли?.. Нарушил какие-нибудь условия? Кого-то обманул, не вернул, недодал?..

– Да что вы! – она замахала руками. – Он всем всегда наперёд платил. Даже если у нас на счету ещё не было поступлений – из своих выплачивал. Я говорю: «Подождите, пусть сперва работу сделают». А он в ответ: «Чтобы хорошо сделали, надо людей стимулировать. Не только деньгами, но и доверием»... Верил он людям, верил, а они в него за это... – В глазах у неё опять заблестели слезинки.

«Не женщина, а пипетка» – подумал Борис. А вслух спросил:

– А вас, сотруди́тников, он не оби́жал?

– Ни́когда. О́чень ува́жительно себя ве́л. Не кричал, не оскорбля́л... Зо́лотой че́ловек... Зо́лотой... Если кому отлучи́ться на́до бы́ло, да́же на ве́сь де́нь – ве́сгда отпу́ска-а-а-а... – Слези́нки ста́ли набу́хать. Она́ уже чу́ть завы́вала, как это де́лают плака́льщицы на́д по́койником. – Ка́ждому со́труднику по́ три проце́нта аќций по́да-ри-и-и-и... Пре́дста-вля-ете?... Э́то по́мимо за́рплат-ы-ы-ы...

Два ручейка слёз покати́лись по её ще́кам, платочек уже можно́ было отжи́мать.

«Не́т, она́ не пи́петка, она́ родни́к, – по́думал Бори́с, – на́до пре́кращать до́прос, а то бу́дет наводне́ние».

Он про́водил её в со́седнюю ко́мнату до её ра́бочего ме́ста. За сто́лом на́против си́дела се́кретарша А́лина. Пе́ред не́й ле́жала ра́здета́я ку́кла Ба́рби. А́лина на́девала на не́ё кру́жевные тру́сики, ру́башечку... Уви́дев Бори́са, спря́тала ку́клу в сто́л, по́ясни́ла:

– Э́то для до́чки, ей за́втра три го́дика.

Она́ вста́ла, по́тяну́лась, сле́га качну́вшись на сво́их вы́соких ка́блуках. «За́чем к та́ким дли́нным но́гам е́щё и та́кие ка́блуки?... – по́думал Бори́с. – Она́ и та́к со́стоит их одних но́г, и до́вольнó краси́вых!»

Он при́гласи́л её в ка́бинет Бу́рляева. Уса́дил в кре́сло. Она́ отки́ну́лась на спи́нку, за́бро́сила но́гу на но́гу и с усме́шкой со́общила́:

– Я го́това к да́че по́казаний.

«Эти ноги делались по спецзаказу!» – ещё раз отметил Борис. Женские ноги всегда были для него отвлекающими деталями. Он заставил себя отвести от них взгляд и спросил: – Хотите сигарету?

– Пока нет.

– Тогда первый вопрос: почему она всё время плачет? – Он кивнул в сторону двери, за которой осталась трёхподбородочная бухгалтерша.

– Потому что одинокая: у неё никого нет, кроме мужа.

– А у вас?

– У меня много мужей... Правда, чужих.

– А от кого у вас девочка? – вырвалось у него.

Она спокойно ответила:

– От мальчика.

Борис немного смешался.

– Простите... Это бестактный вопрос.

– Ничего, вы же по долгу службы... А вот теперь угостите сигаретой. – Он протянул ей пачку, поднёс зажигалку. Она затаилась. – Был один, звали Шурик. Я его даже любила. Думали пожениться, но он пил, дрался, кому-то печень отбил, его посадили. Через год вернулся – на меня уже не смотрел, его женщины перестали интересоваться... Почти как у Окуджавы. – Пропела. – «А Шурик вернулся, а он голубой»... – Выпустила несколько колечек дыма. – Жизнь заставила поумнеть: я теперь только с джипастыми имею дело.

– Простите, не понял? С кем вы сказали?

– С джипастыми. Которые на джипах... Чего вы на меня так смотрите?... «Жизнь надо прожить так, чтобы было стыдно рассказать, но приятно вспомнить» – в интернете прочла... Всё равно скоро конец Света, надо успеть насладиться жизнью!.. Вы верите в конец Света?

– Это отдельная тема для беседы. А пока подумайте: не мог ли кто-нибудь из ваших джипастых поклонников приревновать вас к Бурляеву и так свести с ним счёты?

– К кому ревновать?! Он же кроме своей работы и своей Марусеньки – ничего видеть не хотел!..

– И всё-таки, у вас были с ним какие-то отношения?

– Понимаю, о чём вы. Если честно, я была бы не против. Он, хоть не первой молодости и даже не второй – уже за пятьдесят, но мужик ещё в товарном виде: бегают, плавают, отжимается... Повторяю: я была не против, даже попытки делала, но, увы... Отношения остались «служебно-дружеские»...

– Вы же принимаете все звонки?.. Вспомните, может, были какие-то странные?.. Кто-нибудь ему угрожал?..

– К сожалению, из-за меня – никто.

– А из-за бизнеса?.. Какие-то возмущения, нестыковки, невыполнения условий договора?..

– С ним можно было не подписывать договора – если даже просто давал слово, всегда его выполнял. Я ему говорила: вы ненормальный бизнесмен!.. Вы должны научиться обманывать, иначе не преуспеете!.. А он в ответ: не могу – таким

меня воспитала бабушка, а она в Бога верила... Знаете, у меня есть подозрение, что он тоже немножко верит в Бога.

– Немножко верить в Бога – это всё равно, что быть немножко беременным... Ладно, оставим философию... Ещё один деликатный вопрос. Вы имеете право на него не отвечать, но если ответите, поможете следствию.

– Вы меня заинтриговали. Какой это вопрос?

– С кем вы сейчас встречаетесь?

– Вам всех назвать?

– А у вас их так много?

– Нет. Всего трое. Каждый имеет свой день недели: вторник, четверг, суббота... Кто заслужит, получает и воскресенье...

– Значит, трое?... И больше никого?

– Нет. Я им, троим, не хочу изменять.

Вкратце, не называя фамилий, их профессии?

– Очень разные: Алик – популярный музыкант, гастролирует по миру; Тимур – парикмахер, известнейший, два салона имеет, к нему запись на месяц вперёд...

– А третий?

– Володя, бизнесмен, довольно успешный...

– Стоп. Вот его координаты я бы хотел получить...

Дадите?

– Я бы сказала нет, но вы же всё равно узнаете.

– Конечно. Только времени больше займёт.

– Ладно, сэкономим ваше время. У меня есть его визит-

ка. – Она вынула из сумочки визитку и протянула Пахомову. Он глянул и удивлённо спросил. – Володя Кононов?! Сколько ему лет?

– Примерно вашего возраста.

– Он!

– Вы его знаете?

– Когда-то в одном доме жили. Потом их семья куда-то переехала... Потом мы в секции карате встретились, три года вместе занимались... Он знаком с Бурляевым?

– Нет. Но за мной часто заезжал...

– Знает, чем занимается ваша фирма?

– Конечно. Шеф никогда не делал из этого секрета. Пожалуйста, когда с ним встретитесь, не говорите, что я передала вам его визитку – бизнесмены это не любят.

– Обещаю. А какой его адрес?

– Где живёт с семьёй, не знаю, а со мной он встречается на Ленинградском проспекте – у него там куплена однокомнатная квартирка, для интимных встреч... Дайте визитку. – Она взяла у Бориса визитку и вписала туда адрес Кононова. – Надеюсь, за это не судят?

– Что вы! Наоборот – лично я это всегда приветствовал.

– Почему в прошедшем времени?

– Влюбился и женился.

– Не очень уважительная причина.

– Как для кого. – Он встал. – Спасибо за сотрудничество... И последний вопрос, «на посошок»... Из всех рассказов о нём, я понял, что ваш шеф деловой, порядочный и, как раньше писали в характеристиках, морально-устойчив... Как же при таких... Как бы это мягко сказать... При таких полярных взглядах на жизнь, он вас терпел?

– А я работник классный! За плечами ИнЯз, два языка: английский и французский... В компьютере разбираюсь, как

в косметичке... Обаятельна... Пью и не пьянею – это очень важно на официальных приёмах...

Он мной был доволен, хвалил, зарплату повышал...

– А вас что здесь держало?.. Ведь вы, при ваших вышеперечисленных достоинствах, могли более интересную работу найти... В модельном агентстве, например.

– Опоздала. Туда надо было лет в семнадцать пробиваться. А мне уже двадцать шесть, а женщина – товар скоропортящийся... Нет, мужиков я ещё привлекаю, но надо и на себя рассчитывать, хочу стабильности, мне дочь растить. Вот Бурляев и обещал мне место в своей гостинице, когда построят... Администратором, даже главным, а это уже путь в директоры. Интересно, престижно... А какой выбор среди постояльцев!..

– Хороша стерва! – подумал Борис, невольно снова бросая взгляд на её роскошные ноги. – Встретил бы я тебя чуть раньше!

– Даже и не мечтайте! – предупредила она, легко прочитав его мысли. – Вы же приехали не на джипе...

...Третьим в кабинет вошёл, вернее, вкатился экспедитор, толстенький, кругленький, похожий на маленького бегемотика. Представился:

– Радов, Павел Павлович, можно просто: Пал Палыч.

Борис пригласил его сесть. Пододвинул к нему пачку сигарет и зажигалку.

– Давно здесь работаете?

– Чуть больше года.

– А фирма сколько существует?

– Лет пять.

– Кто до вас был на этом месте?

– А никто. Объём работ не такой уж большой – Бурляев сам прекрасно справлялся. Он эту должность для меня придумал.

– Чего вдруг такая благотворительность?

– Одноклассники мы, за одной партой сидели. Потом жизнь разбросала. Отец – кадровый военный, он меня без мамы растил, его в Якутию перевели, ну, и я с ним.

– Чем же вы там занимались?

– Сперва в Сельхозакадемию поступил, но больше года не выдержал, бросил. Потом в строительном техникуме поучился, тоже бросил, понял, что не моё... Отец меня при казарме устроил, завхозом... Пару лет поработал, потом женился, потом развёлся... Недвижимостью занимался... Пушкину скупал для аукционов... Нормально жил. Отцу квартиру трёхкомнатную дали, он – полковник, обеспеченный человек, ну, и я при нём.

– Чего ж уехали?

– Во-первых, отец умер, а во-вторых, надоело струёй звенеть.

– Не понял. Что это значит?

– Когда мороз за пятьдесят и писаешь на улице – струя замерзает... Пытался отца спасти, лучших специалистов приводил, врачи от меня вторую зарплату имели, медсестёр конфетами закармливал... А!.. – Он горестно махнул рукой. – Не возражаете, если я закурю? – Достал из пачки сигарету, прикурил от зажигалки, затянулся. – После смерти отца квартиру продал, собрал манатки и в Москву. Снял комнатёнку, пытался устроиться, а тут кризис, всех увольняют... За год все денежки проел, за комнату платить нечем было... На счастье Витальку встретил, он пообещал помочь, но, видно, никуда не смог меня пристроить – вот и взял к себе.

– Вижу, он, и вправду, классный мужик. Как вы думаете, почему же в него стреляли?

– Наивный вопрос! Вокруг столько отмороzków – решили

порезвиться.

– Нет, это были неслучайные выстрелы... Пал Палыч, вы встречались со всеми поставщиками и производителями работ – кто-нибудь на него имел зуб?..

Ругался, угрожал?..

– Наоборот! Его все уважали, даже любили. Всегда приемы передавали, сувениры... Я редко встречал такое единое восприятие человека. Обычно ведь как? Завидуют, злословят... А про него ни-ни! Знаете, что в нём больше всего подкупало, помимо доброты и порядочности?.. Чувство собственного достоинства!.. Сегодня это такое редкое и такое дорогое качество! Ведь чувство собственного достоинства каждого гражданина – это суммарное чувство достоинства всей страны. Как нам этого сегодня не хватает! Поэтому и катимся в тартарары!.. Убиваем, воруем, обманываем друг друга... Россия постепенно превращается в полигон Сатаны!..

– Пал Палыч, – прервал его Борис, – чувствую, что это у вас болевшее, я буду рад продолжить эту тему, но не сейчас...

– Простите, занесло.

– Не страшно. Последний вопрос: как вы думаете, кому может быть выгодно прервать деятельность Бурляева?

– Да никому!.. Компаньонов у него нет. Всё переписано на жену Марусю, это всем известно. Других наследников тоже нет.... – Радов растерянно развёл руками. – Ума не приложу.

– Вам знакома такая личность: Владимир Кононов?

– Да. Он владеет цементным заводом и лесопилкой... Мы у него стройматериалы покупали... Вы полагаете, он рассчитывал, что если убрать Бурляева, Маруся продаст ему фирму?..

– Нет, нет! Я пока никого не подозреваю – просто выясняю круг общения Бурляева. – Пахомов поднялся и протянул Радову визитку с номером своего телефона. – Если вдруг что-то вспомните, узнаете – позвоните, ладно?

– Непременно... Единственное, что знаю точно: если придёт новый хозяин, меня отсюда выпрут. – Он тоже встал. – Рад буду помочь. А вы уж, пожалуйста, припугните врачей, чтоб они к Витальке внимательно отнеслись. А то ведь наши больницы – это проходные на кладбище!

Назавтра Пахомов вкратце рассказал Тине о своём визите в офис Бурляева, а она дала ему полный отчёт о четверых владельцах шомпольных ружей. Два первых полностью выпали из подозрений: один уже неделю находится в Самаре, в командировке, второй – после инсульта, из дома не выходит, передвигается с помощью ходунков. Третий – молодой, за день до преступления у него была свадьба, вряд ли он на следующую ночь покинул бы молодую жену, но это ещё надо проверить. А вот четвёртый, некто Рыбин, очень подозрителен. И Тина подробно рассказала всё, что ей удалось разведать.

Матвей Рыбин родился на Кубани, в станице Кореновская, работал счетоводом, любил охотиться на зайцев, на белок, на лисиц, выделывал шкурки, продавал, подрабатывал. Там же познакомился с приезжей студенткой Варей из Московского института физкультуры, влюбился, рванул за ней в подмосковный городок Истру, где она жила, сделал предложение, там же сыграли свадьбу. Домой он уже не вернулся – остался в Подмосковье.

Жили они в старом доме, в коммуналке, в комнате, оставшейся Варе после трагической гибели её родителей в автокатастрофе. Вся комната была заставлена чучелами лисиц, белок, зайцев и даже двух волков – охотничьи трофеи Матвея.

Прожил Матвей Рыбин с женой много лет. Хотя детей не было (Варвара ещё в институте упала со снаряда и что-то себе повредила «по женской линии»), но жили дружно, в согласии. Отсутствие своих детей компенсировали общением с чужими – оба работали в школе, Матвей завхозом, а Варя преподавателем физкультуры.

Перед выходом на пенсию они поднакопили денег и внесли их в строительный кооператив, оплатив однокомнатную квартиру с лоджией. Ждали несколько лет, сменялись председатели кооператива, прорабы, строительство то останавливалось, то снова продолжалось, и, наконец, дом был сдан приёмной комиссии.

Их квартира была на последнем этаже. Только вселились, пошёл дождь, на потолке и на стенах появились мокрые пят-

на – протекала крыша. Капало на паркет, на шкаф, на сервант.

Варя от огорчения расплакалась, а Матвей побежал искать прораба. Поймал его на соседней улице. Но тот даже не стал оправдываться, а наоборот, издевательски посмеялся:

– Раньше надо было смотреть, пока все денежки не выложили. А теперь, когда приёмный акт подписан, можете только свистеть на своей лоджии или подавать в суд. Но решение получите не раньше, чем через год, а за это время всю квартиру зальёт, ремонт дорого обойдётся – лучше сами, потихоньку, приведите крышу в порядок... Но я бы оставил так: лето сейчас жаркое, воды много надо, а тут бесплатно течёт, свежо, приятно!..

Захотел и пошел дальше. Матвей остался с открытым ртом, оглушённый его наглостью. Потом горячая казацкая кровь ударила в голову, он вернулся домой, схватил свою старую охотничью двустволку, зарядил её солью и выскочил на улицу. Прораб стоял уже у подъезда и пытался утихомирить какую-то возмущённую блондинку, тоже из новосёлов. Матвей прицелился и бабахнул ему в зад из обоих стволов. Прораб взвыл, схватился за ягодицы и запрыгал на месте.

– Можешь подавать в суд, – спокойно сказал Рыбин, – но решение получишь не раньше, чем через год. Лучше почини крышу. Иначе каждый день будешь получать такой же заряд в это же место – я тебе из задницы форшмак сделаю.

– А я свидетельницей не пойду, – предупредила блондин-

ка подсолённого прораба, – так вам и надо: у нас в гостинной все паркетины дыбом стоят!

Отмочив зад в ванной, которую Матвей ему великодушно предоставил, прораб убежал с угрозами, но назавтра, чуть-свет, явился с двумя рабочими и перестелил крышу не только над их квартирой, но и над всеми соседними. Матвей был удовлетворён и, в знак амнистии, налил всем по фужеру самогона. Потом предложил закусить солёным огурчиком, но при слове «солёный» прораб рванулся к выходу и удрал.

Молва разнесла эту историю по всему дому, а потом и по городу. Над прорабом смеялись, а Рыбина хлопали по плечам, жали руки и угощали пивом. К нему стали обращаться за помощью уже и с других улиц, а потом и из соседних городов. И там, где царила несправедливость, звучали выстрелы старой двустволки, просаливались седалища, и справедливость восстанавливалась. Слава новоявленного народного мстителя росла и крепла. Первое время он работал в одиночку. Потом появились соратники-пенсионеры, и они открыли фирму с ограниченной ответственностью, которую назвали «Солёные полушария». А у Матвея появилась кличка: Рыбин Гуд...

– Умница! – похвалил Тину Борис. – Интересный тип. А милиция его не трогает?

– Он ведь наказывает только подонков, а они молчат, боятся огласки. А если пожалуются, на его защиту весь город встанет!.. У меня в Истре родственница, я ей позвонила,

только назвала фамилию Рыбин – она мне сразу всё и выложила и даже его фото из газеты по интернету сбросила: он у них там – живая легенда.

– Значит, так: не откладывая, прыгаем в машину и мчимся знакомиться с Рыбин Гудом. А по дороге, на Ленинградском, заглянем к Кононову, это поставщик Бурляева, я с ним договорился о встрече. Он дал мне ориентир: рядом с его подъездом – кафе «Незабудка», съедим там по шницелю и едем дальше.

– Про «Незабудку», пожалуйста, забудь. Это пока ты был холостяком, ты мог себе позволить травиться в разных забегах. А теперь у тебя есть жена, которая не хочет остаться вдовой. – Она указала на сумку, стоящую на стуле. – Там горячие пирожки, с мясом и с капустой, готовила по маминему рецепту. И термос с кофе. Поэтому перекусим по дороге на Истру, где-нибудь на полянке. И вкусно, и романтично.

– А ты не боишься, что тогда мы до Истры не доедем.

– Это почему?

– Потому что я утащу тебя подальше в лес и буду благодарить, долго-долго и нежно-нежно...

– Господи! – прервала она его. – Когда ты, наконец, повзрослеешь?

– Пока ты рядом – никогда. Поэтому спасибо тебе, Тиночка, за счастливое детство!

...Припарковав машину у кафе «Незабудка», Пахомов обежал вокруг, предупредительно распахнул дверцу и помог

Тине выйти из машины.

– Меня пугает твоя галантность. Это неспроста. – Она подозрительно заглянула ему в глаза. – Ты что-то задумал?

– А меня пугает твоя проницательность. Да, я хочу тебе предложить всё-таки зайти в «Незабудку», посидеть там десять минут и выпить стакан сока, только сока... А я пока потолкую с Кононовым. Думаю, один на один наша беседа будет продуктивней.

– Конечно, – согласилась она, – ты лучше поймёшь его, как бабник бабника.

– Как бывший бабник, – исправил он её, направляясь к подъезду.

– Но ещё сохранивший квалификацию! – бросила она ему вдогонку.

– Ах, так?.. Тогда я оправдаю твоё обвинение! – Он развернулся, подскочил к ней, обнял, расцеловал и побежал обратно к подъезду.

– Сумасшедший! – радостно выдохнула она.

Квартира Кононова была неубрана и неухожена.

Осмотревшись, Борис произнёс:

– Боюсь, твоим гостям здесь не очень уютно.

– Никаких гостей, – ответил хозяин. – Иногда забегают тараканы, да и то чужие. Квартира не для приёмов, а для интима.

– Как же ты заманиваешь сюда женщин?

– Здесь призывно пахнет спермой. Кстати, если нужно будет, дам попользоваться.

– Спасибо, опоздал ты с этим предложением: я недавно женился.

– Повторяешь мои ошибки!..

– Но я, действительно, впервые по-настоящему влюбился!

– И это у меня было: клятвы, букеты, поцелуи под луной... Потом беременность, ребёнок, ночи без сна, постоянные скандалы... Стройная лань раздулась в необъятную корову, но не мычащую, а орущую и курящую, мне казалось, что я сплю с храпящей пепельницей, секс превратился в скотоложество... – Чего ж ты не разведёшься?

– Там папа какой-то козырный туз в налоговой инспекции, пригрозил, что, замордует проверками, перекроет любые поставки из-за рубежа и, вообще, мне будут периодически ломать рёбра... Мол, шляйся, сколько хочешь, но семью не рушь!.. Вот я и шляюсь... Была идея рвануть из страны, но тогда дочку потеряю, а я её очень люблю... Надеюсь, твой тесть не из налоговой?

– У моей жены нет отца, он давно скончался.

– Бывают же везунчики!.. Ладно, хватит о грустном... Как ты меня нашёл?

– Забыл, кем я работаю... Это связано с нападением на Буряева.

– Странная история. Так что, я на подозрении?

– Мы пока только проверяем круг общения.

– Да мы с ним даже не знакомы. Просто я был их поставщиком.

– Я знаю.

– Кто тебе доложил?

– Радов, их экспедитор.

– А, этот слепой мудак.

– Почему слепой?

– Он пытался заигрывать с моей женой.

– А почему мудак?

– По той же причине... Так это Радов натолкнул тебя на мысль о моём участии?

– Да нет же, нет!.. Просто я пытаюсь исключить тебя из числа подозреваемых.

– Можешь с чистой совестью вычеркнуть меня из этого списка. Во-первых, я в тот вечер, с семи до одиннадцати, провел время на этой тахте с очаровательной женщиной, которая, при острой необходимости, это подтвердит... А во-вторых... Я уже третий год не расширяю своё производство, не делаю инвестиций, не покупаю никаких акций...

– Это почему же?

– Раз суждено прожить жизнь с нелюбимой, я посвятил свою жизнь любви на стороне, а на это мне денег хватает. А умру – мои предприятия достанутся дочери, я всё завещал ей, она их продаст и будет обеспечена. Так что мне никакие новые бизнесы не нужны!.. Стимула нет!.. Понимаешь?

– Грустно. Но понимаю... Спасибо за откровенность... Но чем-то ты всё-таки занимаешься?

– Трачу деньги с одной недостойной женщиной.

– А с достойной не пробовал?

– С недостойной интересней.

– Ты говоришь про Алину?

– И это ты знаешь?.. Ну, Радов, погоди!

– Это не он.

– Он, он!.. Впрочем, какая разница. Но согласись, девка классная?

– Соглашаюсь.

Борис поднялся.

– Погоди! – Кононов подбежал к бару, вытащил бутылку «Хеннеси». – А на посошок?

– Я за рулём, и мне ещё далеко ехать.

– Какой-то ты скучный стал после женитьбы! Но ничего, это постепенно проходит... – Плеснул себе в фужер, выпил. – Когда будешь докладывать обо мне своему начальству, объясни им, что я – не убийца, я – блядун... Повторяю: если возникнет потребность, можешь всегда рассчитывать на эту хату.

– Надеюсь, в ближайшие годы не возникнет. – Не зарекайся!

У входа в кафе стоял огромный охранник-вышибала с «фирменно» выбритой головой. Очевидно, хозяева требовали, чтобы он встречал посетителей приветливо, но для него это было тяжкой обязанностью: при виде Пахомова он оскалил зубы в какой-то пугающей гримасе, которая должна была изображать улыбку. «После такой улыбки надо сразу отстре-

ливаться», – подумал Борис. Он вспомнил последнего, виденного им, бородатого швейцара в ресторане «Прага», который за десять метров распахивал дверь перед каждым посетителем и с поклоном приглашал его войти. Куда они все подевались, не передав своего опыта молодому поколению?.. Уйду на пенсию, открою школу швейцаров, – решил Борис.

Зайдя во внутрь, он подсел к Тине, хлебнул из её фужера глоток сока и пересказал ей беседу с Кононовым.

– Думаю, он не врёт, но проверить не мешает. – Огляделся. Заметив, что все окна с решётками, прокомментировал. – В это кафе надо приходиться с напильником.

Было только шесть часов, очевидно, постоянные посетители ещё не прибыли. В углу за тремя сдвинутыми столиками шумела компания подростков, отмечая день рождения своего сотоварища, худенького, взъерошенного очкарика. Один из них, самый активный, приставал к официанту, чтобы тот поставил принесенный ими диск. Тому надоело, и он согласился. Зазвучал реп, под который компания ринулась танцевать. Сквозь грохот музыки доносились слова:

Когда ты со мной,
Не надо слов!..
Ты хотела,
И я готов!..

– Потрясающая поэзия! – отметила Тина.

– Очевидно, эта песня посвящена первой эрекции име-

нинника, – объяснил Борис.

Тина расхохоталась. Потом поднялась.

– Пойдём отсюда – здесь так неудобно.

– Согласен. В этом кафе нужен не вышибала, а вшибала.

В квартире Рыбина на звонок никто не отозвался.

– Подождём, – предложил Борис. – У дома скверик, посидим на скамейке, попьем кофе – в термосе ещё осталось.

Только они присели на скамейку, к дому подкатил старенький, дребезжащий автомобиль, из которого вышел Рыбин – они узнали его по фотографии в газете, полученной от Тининой родственницы. Ему было уже лет за шестьдесят, но он ещё был строен, подтянут, с пружинистой походкой, нос с горбинкой, седые пряди, спадающие на лоб – он, и в правду, напоминал Робин Гуда, только уже на пенсии. К нему бросилась поджидавшая его маленькая старушка и пыталась всучить ему что-то в целлофановом пакете. Он досадливо отмахивался.

Борис и Тина направились им навстречу.

– Вы – Матвей Рыбин?

– Так точно. Чем могу служить?

– Один вопрос: где вы были позавчера, в понедельник, в восемь вечера?

– А в чём дело?

Тина предъявила ему удостоверение.

– Расследуем преступление.

– А, вот вы о чём... – Рыбин хмыкнул. – Если вы называете это преступлением, то я готов его повторить.

– Так это и было позавчера, вечером, – вмешалась старушка.

– Что было? – одновременно спросили Тина и Борис.

– Анна, прекрати! – одёрнул её Рыбин.

– Нет, нет, пожалуйста, продолжайте. – И Тина пояснила Рыбину. – Это важно и для нас, и для вас.

– Я это до смертушки буду помнить!

И старушка, довольная, что ей предоставили трибуну, начала подробно рассказывать.

Живёт она в соседнем доме, растит Алёнку, внучкусироту. Позавчера, под вечер, прибежала к Рыбину: «Помоги! Девке всего шестнадцать, а он пристаёт, грозит с работы уволить, если не согласится». Кругом кризис, в городе безработица, время трудное, потерять работу – беда! Он – это Рустам, хозяин магазина, внуку продавщицей взял на время каникул, хоть с продуктами полегчало.

Услышав эту жалобу, Рыбин набил ружьё солью и направился в магазин. Хозяин стоял на табуретке и снимал что-то с верхней полки. Матвей почти в упор всадил оба заряда в уже пристрелянные места. Рустам подскочил вместе с табуреткой...

Завершив свой рассказ, старушка рассмеялась:

– Он до ночи в тазике с водой просидел, пока соль растворялась... А Матвеюшке за его деятельность орден бы вру-

чить надо!

– Да прекрати ты, Анна!..

– А чего прекращать-то? Ты людям помогаешь больше, чем и милиция, и полиция, и все нашенские балаболышки... – Она снова попыталась всучить ему пакет. Пояснила. – Я на балконе курочек держу, яйца свеженькие, таких в магазине не купишь... Рыбин снова отвёл её руку.

– Анна, я же просил!

– В какое время это произошло? Если можно, поточнее, – попросил Борис.

– Аккурат часов в семь с половиною – он всегда в это время магазин закрывает.

Борис и Тина переглянулись: более «железного» алиби не придумаешь.

В этот момент к ним подскочил толстый, черноусый мужчина, похожий на ещё не поседевшего телеведущего Леонида Якубовича.

– Это он самый и есть, Рустам, – шепнула старушка.

– Мэне сообщили, что ви из московской мылиции? – спросил он с сильным акцентом.

– Можно и так сказать.

– Ви очэн вовремя!.. Я сам собирался к вам прыехать – здэшний мылиция своих покрывает. А этот бандит, этот террорист, как это било сказано в одын популярный кынофылм, «вооружён и очэн опасэн»!.. Я трэбую его беспредельно наказать!

Тина чувствовала, что Борис явно симпатизирует Рыбину. Поэтому для неё явилось неожиданным то, как вдруг он активно поддержал Рустама.

– Вы абсолютно правы – такое хулиганство не может остаться безнаказанным! Мы сделаем показательный процесс, пригласим газеты, радио, телевидение... Соберём весь город: мэрию, пенсионеров, школьников!..

– Погады, дорогой, нэ горячись! – не ожидавший такого поворота, Рустам поспешно отвёл Бориса в сторону и попытался погасить его энергию. – Нэ надо показательный процесс...

Но Борис не унимался:

– Надо, дорогой, надо! Вы женаты?

– Нэт... То ест, да.

– Дети есть?

– Да... То ест, нэт.

– Так есть или нет?

– Только дэвочки.

– Вот! – довольно заключил Борис. – И жену пригласим, и девочек! Пусть знают, что государство не даст их папу в обиду!

Совершенно перепуганный, Рустам оттащил Бориса ещё дальше.

– Слушай, нэ надо процесс... Я снимаю своё обвинение.

– Поздно. Теперь это уже не ваше личное дело, а государственное.

– Прошу, нэ надо! Как мужчина мужчину прошу!.. Я же сэмью потэряю, уважение дочек...

– А когда к несовершеннолетней приставал, не думал об уважении?

– Погорячился... Тэмперамэнт у мэня южный, а она в мини-юбке ходит туда-сюда!.. Если надо, я дэсят раз перед ней ызвынюсь.

– Ладно, помогу, как мужчина мужчине. Но, боюсь, одних извинений мало. Надо что-то ещё придумать.

– Я ей зарплату прибавлю, ещё рублэй двэсти.

– В таком деле не экономят, – строго изрёк Борис.

– Пятсот, – поспешно набавил Рустам. – И ещё однопднэвную экскурсию в Москву оплачу – пуст прыдёт в сэбя после психологический травма.

– Молодец, – похвалил его Борис. – Теперь мне будет легче замять это дело.

Они вернулись к остальным. Отклонив предложение Рустама распить бутылочку «Кизлярского», Борис отправил его извиняться перед Алёнкой. Вместе с ним, для подстраховки, побежала старушка.

– Если будешь приставать к малолеткам, – вдогонку ему пригрозил Матвей, – я тебе задницу на всю жизнь просолю, а потом в тюрягу засажу. И будешь ты там весь срок на нарах только лежать, потому что сидеть не сможешь. А коль девчонку выгонишь, то вместо соли я ружьё дробью заряжу...

Но Рустам уже успокоился: он с улыбкой обернулся и объ-

яснил Борису и Тине.

– Это он так шутит. – Потом обнял старушку за талию и повёл к своему магазину. – Пайдём, подруга, выпьем по рюмочке, за мир во всём мире!..

Когда прощались, Борис признался Матвею:

– Официально я вас, конечно, осуждаю, а неофициально восхищаюсь: вы смелый человек!

– Спасибо за поддержку: здорово вы Рустама обработали. Я ваш должник. Если понадобится, только свистните – соли хватит.

– Может, когда-нибудь к вам и обратимся...

– Вы уж поосторожней, – попросила Тина, – не каждый раз к вам будет приезжать такой Дон-Кихот, как майор Пахомов. – Когда проходили мимо машины Матвея, заметила. – Автомобиль у вас какой-то странный, таких не встречала.

– И не встретите – единственный. Мне его наши автомеханики сварганили. Собрали на свалке полуистлевшие останки кузовов, двигателей, высвободили от многолетней ржавчины, приварили, доклепали, допаяли и мне подарили, чтоб сподручней было за подлецами гоняться. Много лет прошло, а всё ещё бегают. Правда, под горку не очень, а с горки – огого!

– А кузов из каких машин? – поинтересовался Борис.

– «Победа» и «Запорожец». Хотел ему какое-то название придумать, но не получилось.

– Хотите, подскажу?

– Давай.

– «Попорожец»!

Матвей рассмеялся.

– А что?.. По-моему, в десятку: есть и попа, и рожа... Спасибо, товарищ майор!.. Пойду расскажу – ребятам понравится!..

Несмотря на уже поздний вечер, было светло. Свежевыпеченная луна напоминала румяный колобок, от которого откусили первый день месяца.

– Пока доедем домой, настанет ночь, опять не высплусь, – пожаловалась Тина, садясь в машину. – Давай приедем, сразу ляжем и заснём.

– Не обещаю, – ответил Борис, садясь за руль. Потом обнял её, притянул к себе. – Точно не обещаю!

– Боренька, угомонись: медовый месяц давно кончился.

– Наступил медовый квартал. Потом будет медовый год и начнётся медовая жизнь... – Он включил двигатель, проехал пару метров, остановился. – Ты права, скоро ночь, пока доедем до дома, звонить уже будет неприлично – позвоню отсюда.

Он вытащил из кармана мобильник.

– Кому ты звонишь?

– Алине, любовнице Кононова. Хочу убедиться, что она была с ним в тот вечер – доверяй, но проверяй, верно?

Она помрачнела.

– Верно. Я воспользуюсь этим девизом.

– Не понял.

– Откуда у тебя телефон этой Алины?

– Я взял все телефоны, и её, и экспедитора, и бухгалтера...

– Но её телефон лежит у тебя в боковом карманчике, прямо у сердца!.. Ты не думай, я не ревную. Просто мне интересно, почему у всех молодых свидетельниц ты берёшь номера телефонов!

Она ревновала его с первого же дня их совместной жизни, к соседкам, к сотрудницам, к жёнам его друзей.

– Почему ты каждой так призывно улыбаешься?

– У меня с детства такая улыбка, – оправдывался он. – Ну, хочешь, я буду им корчить рожи и высовывать язык?

– Ни в коем случае! Они сочтут это за сексуальный призыв!

Он называл её Отелло Мавровна, она обижалась, он просил прощение, целовал, обнимал, уносил в спальню и, веками проверенным способом, доказывал ей свою любовь. После этого она успокаивалась, но не надолго. Она не забыла, каким он был до женитьбы: гуляка и бабник, весёлый, шумный, непредсказуемый, как мальчишник. Она помнила его фирменную флягу, всегда наполненную коньяком, его романы и похождения, о которых по Управлению ходили легенды... И в то же время она не могла не видеть, что после смерти матери и начала их совместной жизни он очень изменился: бросил пить, на её глазах сжёг записную книжку с теле-

фонными номера всех прежних любовниц, и даже выбросил свою любимую флягу... Она радовалась этому, ценила, старалась не ревновать, очень старалась, но ничего не могла с собой поделаться: памятуя его прежний образ жизни, в каждой женщине, с которой они общались, она видела его потенциальную любовницу.

Чтобы погасить эту новую вспышку, он предложил.

– Хочешь – позвони сама.

– И позвоню.

Борис включил громкую связь, набрал номер и протянул ей мобильник. Раздался томный голос Алины:

– Алло!.. Я вся внимание.

– Говорит помощник майора Пахомова, старший лейтенант Валежко, – холодно и официально представилась Тина. – Майор поручил мне выяснить, подтверждаете ли вы, что первого июля сего года, после семи вечера находились в квартире гражданина Кононова?

– Подтверждаю. Я и сейчас здесь нахожусь. Простите, что разговариваю с вами лёжа.

Не отреагировав на эту дерзость, Тина продолжила тем же «официальным» голосом:

– Мы вас завтра пригласим, и вы подпишете эти показания.

– Ваш майор такая душка, что я откликнусь на любые его приглашения.

Тина в сердцах отключила мобильник.

– Какая наглая баба!.. Ты её, конечно, охмурял, как мог, поэтому она и позволяет себе так разговаривать!

Всю дорогу до дома она сидела, насупившись, не реагируя на его попытки восстановить мир. Пришлось ему и в эту ночь опять доказывать, что она не права. Когда они, наконец, уснули, раздался звонок: Борису сообщили, что бизнесмен Владимир Кононов попал под машину, подозревается покушение.

Когда они в восемь утра примчались в больницу, к Кононову их не пустили: он лежал в реанимации, без сознания – обе ноги были буквально раздавлены колёсами. В холле на стуле сидела заплаканная женщина.

– Его жена, – сообщил врач, – тоже пыталась к нему прогнаться.

Борис и Тина направились к ней.

Женщина была ещё достаточно молодой, высокой и очень толстой. Огромные груди, как два тяжёлых арбуза, тянули плечи к земле и делали её сутулой. Жирные бока распирали блузку и свешивались через пояс, как тесто, вылезшее из кастрюли. Они попытались с ней заговорить, но она не отвечала – глядя в пол, раскачивалась, как раввин на молитве, и что-то всё время приговаривала. Они прислушались к её бормотанию и разобрали: «Это я, я виновата... Но я так не хотела... Я не думала...». И снова: «Это я виновата, я...»

– Любопытное заявление, – отметил Борис, – но сейчас с

ней пытаться говорить бессмысленно.

– Приходите позже, – посоветовал врач, – мы постараемся привести её в нормальное состояние. Да может, и он в сознание придёт.

Когда вышли из больницы, Борис сообщил:

– Лукоперец вызывает на десять утра. Ещё есть время – давай заедем к соседу Кононова: мне сообщили, что он последний, кто видел его машину.

У входа в подъезд высотного элитного дома стояла толпа парней в модных рваных джинсах, патлатых и шумных. Они читали друг другу стихи и громко их обсуждали. Пахомов сквозь дверное стекло показал охраннику своё удостоверение, и тот впустил их вовнутрь.

– Нам нужен Аскольд Крымский.

– Четвёртый этаж, двенадцатая квартира, – сообщил охранник и с надеждой спросил. – Неужели вы, наконец, его арестуете?

– Почему его надо арестовывать? – удивлённо спросила Тина.

– А вы его песни слышали?.. Нет?.. То-то!.. Он называет себя композитором-песенником, а я считаю, что он композитор-убийца!..

– За что вы его так?

– Он же калечит вкус молодёжи... Вот, видите... – Охранник кивнул в сторону толпы у входа. – Они все к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.